

Произведения лауреатов и дипломантов Межрегионального литературного конкурса «Ты сердца не жалея, поэт. 2019» - Дебют

Номинация «Дебют» 2019

[Гальцова Дарья Николаевна](#) (персональный номер участника - 11)

[Ковтун Артём Владимирович](#) (242)

[Перцева Елена Юрьевна \(МОЕМУМОРИУ\)](#) (49)

[Бурлак Ксения Александровна](#) (186)

[Каганович Анастасия Константиновна](#) (236)

1 место и звание лауреата – **Гальцова Дарья Николаевна** (публицистика) – родилась в 1998 году. Студентка филологического факультета Воронежского государственного университета. Занимается диалектологией, краеведением. Увлекается фотографией. Проживает в селе Старый Курлак Воронежской области.

Эхо войны

(фронтовой путь И.И. Михеева)

Биография

К Ивану Ивановичу Михееву я отправилась по заданию краеведческого кружка. Собственно, и пойти было больше не к кому: он единственный участник Великой Отечественной войны из моей родной деревни Старый Курлак Аннинского района Воронежской области, который на зиму остаётся дома. Конечно, я знала его и раньше. Для меня это был просто добрый дедушка с седыми волосами. А сейчас надо было взять у него настоящее интервью. Я немного побаивалась. Но наша беседа завязалась быстро: Иван Иванович долгие годы работал учителем, был директором Старокурлакской школы. Всего я трижды беседовала с ним. Из этих бесед я узнала такие сведения о войне, каких нет в художественных книгах и школьных учебниках.

Узнав, зачем я пришла, Иван Иванович сказал так:

– Хочешь знать о войне? Что о ней вспоминать? Тяжело... Не дай Бог никому... И как рассказывать? Я могу тебе сказать что угодно – о том, как я совершал подвиг за подвигом. И ты поверишь. Но – в атаку мне бежать не приходилось, немца я ни одного не убил. Да, вернулся искалеченным, да, не смог осуществить свою главную жизненную мечту – работать с техникой. Но громкими подвигами похвастаться не могу.

– Иван Иванович, расскажите мне правду о Вашей жизни и Вашем фронтовом пути, – попросила я.

И он начал свой неторопливый рассказ.

Иван Иванович родился в селе Верхняя Тишанка нынешнего Таловского района 9 октября 1921 года. Там же окончил ШКМ – школу крестьянской молодёжи. Вместе с другом поступил в железнодорожный техникум города Воронежа. Проучился два года, но тут выяснилось, что всех студентов будут забирать в армию. Решил бросить техникум, так как доучиться всё равно не получится.

Это был 1939 год. В то время не хватало учителей, поэтому он отправился на курсы учителей начальных классов. Закончив их в 1940 году, Иван Иванович получил направление на работу учителем истории в с. Липовка Бобровского района (тогда Лосевского района). Но учительствовать довелось чуть больше месяца: 5 октября 1940 года его призвали в армию, на Действительную, как тогда говорили, службу.

И.И. Михеев оказался в узбекском городе Термез на самой границе с Афганистаном, служил в стрелковом полку артиллерийской батареи. Был наводчиком. Через три месяца (в январе или феврале 1941 года) в их часть приехал младший лейтенант из Средне-Азиатского военного округа и по приказу отобрал 80 человек в Ашхабадский артиллерийский полк. Это была уже Туркмения.

Среди отобранных был Иван Иванович. Он стал курсантом полковой школы гаубичного полка. Там проучился четыре месяца. Являлся отличником боевой и политической подготовки, получил квалификацию командира топографического отделения. Тут и началась Великая Отечественная война.

Вначале часть И.И. Михеева находилась на месте, а затем в августе 1941 года в составе других советских войск была введена в Иран.

Иранская операция

Меня очень заинтересовал этот факт. Известно, что Советский Союз воевал с Германией и её союзниками на западном направлении. Но почему были отправлены войска в Иран? Иван Иванович сказал, что тогда Иран находился под влиянием Германии, и была опасность наступления оттуда. Поэтому советские войска и перешли границу.

Я просмотрела другие имеющиеся источники о «неизвестной войне» в Иране. И вот что узнала оттуда.

***Иранская операция** – совместная англо-советская операция Второй мировой войны по оккупации Ирана под кодовым наименованием «Операция „Согласие“» проводилась с 25 августа 1941 года по 17 сентября 1941 года. Её целью являлась защита иранских нефтяных полей и месторождений от возможного захвата их войсками Германии и их союзниками, а также защита транспортного коридора (южный коридор), по которому союзниками осуществлялись поставки по ленд-лизу для Советского Союза.*

Данные действия были предприняты в силу того, что, по оценкам политического руководства как Великобритании, так и СССР, существовала прямая угроза вовлечения Ирана на сторону Германии в качестве союзника во Второй мировой войне.

В ходе Второй мировой войны шах Ирана Реза Пехлеви отказал Великобритании и Советскому Союзу в их просьбе разместить свои войска в Иране. Однако пунктами 5 и 6 Договора между Советской Россией и Ираном от 1921 года предусматривалось, что в случае возникновения угрозы южным рубежам СССР имеет право ввести свои войска на территорию Ирана.

После того как в результате нападения Германии на Советский Союз 22 июня 1941 года Советский Союз и Великобритания стали союзниками во Второй мировой войне, были начаты переговоры на предмет совместных действий в Иране с целью предотвращения активного проникновения туда Германии.

8 сентября 1941 года было подписано соглашение, определявшее расположение союзнических войск на территории Ирана. Соглашение вступило в силу 9 сентября 1941 года.

Мешхед – город на северо-востоке Ирана, административный центр провинции Хорасан – Резави. Второй по численности населения город страны.

Этот город, о котором рассказывает Иван Иванович, располагается в 180 километрах от Ашхабада. Сражений в Иране не было: немцы не решились направить в Иран свои войска. Советские части проводили учения в горах, так как предстояло воевать в горных условиях. Полк Ивана Ивановича назывался 76-й горно-вьючный полк горно-стрелковой дивизии. В качестве транспортного средства в основном использовались лошади, так как именно они и могли пройти по трудным горным дорогам и тропам. Солдат учили в течение одной минуты разобрать пушку, погрузить на лошадей, передислоцироваться на другую точку и затем в течение минуты собрать орудие.

В памяти Ивана Ивановича остались воспоминания о чужой южной стране. Там была своеобразная природа: горы, синее небо. Из своей части, располагавшейся на окраине города, он носил пакеты с документами штаб, находившийся в центре. Посредине главной площади Мешхеда протекал арык – огромный, по ширине как наша речка Курлак. По его краям росли деревья. И везде, даже на окраине, цветы необыкновенной красоты. Иван Иванович сказал мне, что таких за всю жизнь он больше нигде не видел.

Это приятные воспоминания. Но были и страшные. Иран был нищей страной. Там мог идти по улице человек и вдруг упасть и умереть от голода.

Припомнил Иван Иванович и такую подробность из повседневной жизни. Так как было много лошадей, солдатам часто приходилось чистить навоз. Его вывозили в определённое место. А наутро оказывалось, что его там нет – забирали местные жители для отопления. Вскоре военное начальство догадалось, что за навоз можно получать деньги: его перестали вывозить, а продавали прямо из части.

Один раз Иван Иванович был дежурным по конюшне. Его заинтересовало, как проходил торг. Вскоре приехал владелец местной бани и купил целую телегу навоза. Ивану Ивановичу было поручено сопровождать его. Он посмотрел, как поступают с навозом. Сначала его просеяли. Крупные части сразу же шли в топку. Мелкие части замачивали в воде, лепили из них кругляшки и оставляли сушиться на солнце. Таков был местный «уголь».

Через некоторое время, вспоминает Иван Иванович, этот хозяин бани обанкротился. Ему нечем было заплатить за уже взятый навоз. Он был арестован и посажен в каменный колодец (под такими колодцами протекали арыки). Жена носила ему передачи: кусочек лепёшки и два помидора. Если уж так жили владельцы бань, то что говорить о простом народе?

Ещё моему собеседнику запомнилось, что вокруг их части всегда было много торговцев. Они

продавали фрукты необыкновенного вкуса. «Или это мне тогда так казалось?» – спросил сам у себя Иван Иванович.

В начале октября 1941 года советские войска стали постепенно выводить из Ирана. Оставалась небольшая часть, а основные силы уходили на Кавказ, куда уже рвались фашисты. 9 октября у Ивана Ивановича день рождения, но в тот день он даже не вспомнил о нём, не понял, что стал на год взрослее, что перешагнул порог двадцатилетия.

Бои за Кавказ

Через Ашхабад, Красноводск, Каспийское море подошли к фронту. Их часть присоединили к 18-й приморской группе, которая стала называться 18-й армией.

Бои проходили под городом Туапсе. Они шли в горах, а это не то, что на равнине. Казалось, что каждый камень стреляет. Немцы находились в двенадцати километрах от Туапсе. Страшное сражение завязалось за высоту Семашка.

Иван Иванович ещё раз напомнил мне: «Я в атаку не ходил, не бежал впереди всех с криком «Ура!»»

Но, я думаю, без его участия нельзя было обойтись. Он являлся корректировщиком огня батареи. В его задачу входило вести с биноклем наблюдение, отмечать на карте огневые точки противника и передавать по радиации данные. Артиллеристы вели по его указанию огонь.

Так каждый день, каждую ночь – более года. После взятия Туапсе часть перебросили к высоте Аргинка. Иван Иванович видел много убитых и раненых, как немецких, так и советских.

А 30 января 1943 года рядом с ним разорвалась мина. Он был сильно контужен. Потерял сознание и долгое время лежал на морозе. В горах было очень холодно, – 25, хотя внизу шёл дождь. Пока его нашли, он обморозил ноги. Очнулся в деревне. Лежал на полу в соломе. Ног не чувствовал, думал, что их оторвало миной.

Я вновь обратилась к статье из энциклопедии «Википедия», где так написано о военных сражениях, в которых принимал участие мой герой:

*«**Битва за Кавказ** (25 июля 1942 – 9 октября 1943) – сражение вооружённых сил нацистской Германии, Румынии и Словакии против СССР во время Великой Отечественной войны за контроль над Кавказом. Сражение делится на два этапа: наступление немецких войск (25 июля – 31 декабря 1942) и контрнаступление советских войск (1 января – 9 октября 1943).*

Осенью 1942 немецкие войска заняли большую часть Кубани и Северного Кавказа, однако после поражения под Сталинградом были вынуждены отступить из-за угрозы окружения.

В сентябре 1942 обстановка на Кавказе постепенно стала улучшаться в пользу советских войск. Этому способствовали также неудачи немцев и их союзников под Сталинградом. Немецкое командование, не имея дополнительных резервов, уже не могло наступать одновременно по всему фронту и приняло решение нанести последовательные удары сначала на туапсинском направлении, затем на Орджоникидзе.

25 октября 1942 года немецкая 1-я танковая армия перешла в наступление в направлении Нальчика. Прорвав слабую оборону 37-й советской армии, немецкие войска 27 октября захватили

Нальчик, 2 ноября – Гизель. В этом районе немецкое командование сосредоточило большие танковые силы, пытаясь расширить прорыв, однако успеха не достигло. 5 ноября советские войска остановили продвижение противника. Воспользовавшись благоприятной обстановкой, советское командование попыталось окружить гизельскую группировку. 11 ноября была отбита Гизель. Немецкая танковая группировка была разбита, а остатки её отброшены за реку Фиаддон на 40-50 км. В этих боях советские войска нанесли серьёзные поражения двум немецким танковым дивизиям и одной румынской горнострелковой. Была сорвана последняя попытка немецко-румынских войск прорваться к Грозненскому и Бакинскому нефтяным районам и в Закавказье.

Первый этап битвы за Кавказ проходил с июля по декабрь 1942. Немецко-румынские войска, понеся большие потери, сумели выйти к предгорьям Главного Кавказского хребта и к реке Терек. Однако же, в целом, немецкий план «Эдельвейс» провалился. Всего за 1-й этап сражения Группа армий «А» потеряла убитыми почти 100 тыс. человек; немцам не удалось прорваться в Закавказье и на Ближний Восток. Турция так и не решилась вступить в войну на стороне Третьего Рейха.

Для Ивана Ивановича фронтовой путь был закончен. Он лечился в нескольких госпиталях. Помнит, как на Кубани встречали санитарный поезд местные жители. Сами голодные, они несли последнее раненым. 5 августа 1943 года Иван Иванович был окончательно выписан. На левой ноге ему отрезали все пальцы, на правой – один. К военной службе он стал не годен.

Жизнь без войны

После возвращения с фронта И.И. Михеев работал в школе, с 1953 по 1976 гг. – бессменно в Старом Курлаке. У него учились мои дедушки и папа.

У него появилась семья. Жена, Зинаида Ивановна, также учительствовала. Они вот уже 64 года вместе. Вырастили двух дочерей, радуются внукам и правнукам.

Все, кто знает Ивана Ивановича, очень тепло о нём отзываются.

Вот что сказала мне его соседка В.И. Щетинина: «Возле дома Ивана Ивановича всегда чистота. В палисаднике – цветы. Никогда не откажет в помощи. По вечерам мы собираемся на лавочке и подолгу беседуем».

Бывший ученик Бобыр А.П., живущий сейчас в Ярославле, военный врач, каждое лето приезжает в Старый Курлак и всегда останавливается у Ивана Ивановича. Он говорит, что такие люди, как его учитель, – редкость.

Моя бабушка, Коновалова В.К, долго работавшая с Иваном Ивановичем в Старокурлакской школе, сказала: «Иван Иванович – очень положительный человек. У него всё всегда было в отличном виде: безукоризненная одежда, уважительное отношение к коллегам. Он отличался тактичностью и сдержанностью».

Оказалось, что Иван Иванович и его супруга очень любят животных. До недавнего времени они держали корову, а сейчас в их хозяйстве собака Дружок, кот Пушок и куры.

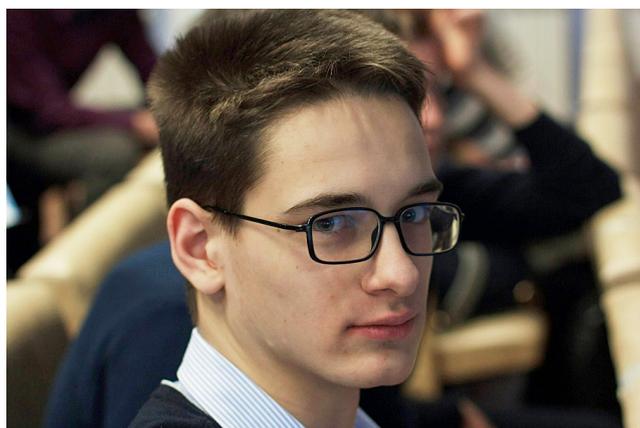
Иван Иванович не любит вспоминать о войне, не любит надевать фронтовые награды (а среди них орден Отечественной войны I степени и медаль «За боевые заслуги»).

Скромный, добрый, приветливый – таков он, ветеран Великой Отечественной войны Иван Иванович

Михеев, с фронтовым путём которого мне посчастливилось соприкоснуться.

Я думаю, что после встречи с ним я уже не смогу жить по-старому. В моей жизни появилось то, чего не хватало мне всё это время: понимание ценности жизни и каждой минуты, радость от общения с родными и друзьями, любовь и уважение к человеку-воину, давшему мне почувствовать счастье под мирным небом. Я теперь знаю, что герои живут рядом с нами. Те герои, что защищали Родину и более 70 лет назад принесли ей Победу.

2 место и звание лауреата – **Ковтун Артём Владимирович** (малая проза) – 18 лет. Проживает в Челябинске, студия «Город золотой». Руководитель студии Анна Михайловна Гильдина.

Муравей

1. Николай Герасимович

Николаю Герасимовичу не спалось. Он слез с кровати, надел куртку и брюки и, прихрамывая, вышел во двор. Еще не рассвело, дул зябкий осенний ветер, лес густо шумел, будто также, как и Николай Герасимович, страдал от бессонницы. Пес высунул из будки морду, поежился и, поняв, что играть с ним никто не намерен, влез обратно. Николай Герасимович пожалел, что не взял из дома шапку. Он подошел к самодельной скамейке, провел по ней ладонью, смахивая крошки, паутину и прочий мусор, сел на холодные сырые доски. Солнце медленно выкатило из-за далеких гор свое пылающее полушарие, как бы оглядывая этот холодный сонный край и решая, заслуживает ли он его внимания. «Пожалуй, заслуживает!» – решило Солнце, и огненно-красные разводы рассвета разлились по темно-синему мольберту неба.

...Пожар. Это горит сельскохозяйственный склад. Люди с ведрами бегут к реке, спотыкаются, падают, кричат. Огню уже не страшны жестяные ведра с мутной прибрежной водой. Пламя взмывает

к самым небесам, с чудовищным ревом, чувствуя, как последние опоры склада превращены в пепел. Николай Герасимович тоже здесь. Он стоит прямо у огня с пустой лошадиной поилкой в руках. Его лицо бесстрастно. Крыша сарая с громким треском рушится, обдав его тучей искр. Он срывается с места и бросается к воде с криками: «Тушите траву! Огонь перекинется на избы!»

Земля закружилась перед его глазами, он свалился с обрывистого берега в мокрый вязкий песок и лишился чувств.

...Николай Герасимович поморщился, прогоняя прочь это воспоминание. Солнечный луч коснулся его лица, и он почувствовал приятное тепло, закрыл глаза и...

Какой-то шум вдруг заставил его вздрогнуть и опустить голову. У самых его ног, обутых в блестящие высокие сапоги, сидел ворон и, повернув свою наглуемую черную голову в профиль, сверлил острым взглядом его лицо. Он двинул ногой, желая спугнуть чертову птицу, но ворон не улетел, а, задрвав клюв еще выше, противным визгливым голосом председателя партийной ячейки Казимова крикнул:

– Авдиенко Николай Герасимович. Обвинен по статье 58, пункт 14 в умышленно небрежном исполнении своих обязанностей председателя колхоза со специальной целью ослабления власти правительства, а также в подвергании опасности других жителей села. За свои преступления приговаривается к тюремному заключению на срок...

Но Николай Герасимович не дает ему договорить и, подбежав, бьет Казимова по лицу скованными в наручниках кулаками. Казимов, громко каркая, уворачивается и, взмахнув ободранными крыльями, взлетает на крышу избы, продолжая наблюдать оттуда за Николаем Герасимовичем, который, тяжело дыша, вновь садится на скамью. Встреча с вороном-Казимовым оставила после себя мерзкий привкус. Солнце уже не радовало Николая Герасимовича, кулаки его сжимались и дрожали, лицо было бледно. Лес вновь зашумел громче прежнего. Пес, вылезший из будки и потянувшийся, тоскливо заскулил, дрожа всем телом. Николая Герасимовича хлестанул по спине резкий порыв ледяного ветра, дующего с реки. Он стиснул зубы, чтобы не закричать. Осколки, сидящие в спине и руке, казалось, вгрызлись в его плоть острее, чем раньше. Согнувшись от боли, он уперся взглядом в серую мокрую от росы древесину. Два муравья деловито волочили по ней какую-то дрянь... Не муравьи... Это его самого, Николая Герасимовича, всего в крови, волокут по лесу двое сослуживцев. Оба они, как и он сам, бывшие заключенные, теперь получившие освобождение, но призванные в штрафной батальон. Николай Герасимович не мог открыть глаза, но слышал, как они, тяжело дыша, переговариваются над его запрокинутой головой:

– Бросим его, он все равно уже не выживет! – говорил один.

– Молчи! Пока можем, будем волочить! – отвечал ему второй муравей... Николай Герасимович почувствовал, как по щеке его скатилась слеза. Он вдруг, неожиданно сам для себя, взмахнул рукой и резким ударом смахнул обоих муравьев. И один, и второй его товарищи, спасшие тогда от смерти, в тот же год погибли. А он выжил, прошел через все ужасы службы в штрафбате, перестрелки, мины, воздушные атаки и вернулся домой. За все эти страшные годы самым тяжким испытанием было осознание того, что вздумай он смалодушничать или бежать, – и будет расстрелян своими же советскими солдатами из заградотряда, идущего по пятам за штрафниками.

...Девочка Лида вышла, зябко поеживаясь, из дома во двор. Солнце еще только начинало свой путь по небу и едва-едва оторвало свой нижний край от вершины самой высокой горы. Пес, радостно скуля, весело прыгал на гремящей цепи. Большой черный ворон, вспугнутый хлопком двери, сорвался с конька крыши и с противным карканьем унесся в сторону темнеющего леса. У самого дома, на грязной скамейке спал Николай Герасимович, под скамьей привычно поблескивало

бутылочное стекло, а на небритых щеках – следы слез. Он приподнял голову, вытер рукавом глаза и, прищурившись, посмотрел на дочь. «Наверное, всё-таки не зря мы убивались в штрафбатах», – подумалось вдруг ему...

2. От Саян до Монголии

Замолчав, бабушка Лида достаёт с полки массивный пыльный фотоальбом, кладёт на стол и раскрывает на первой странице.

– Вот он, твой прадед, Николай Герасимович, – говорит она, указав на мужчину в высоких сапогах и с суровым лицом, запечатлённого в самом центре фотографии. – Это матушка, вот это сестра Люба, она сейчас живёт в Ангарске, а это догадываешься кто?

– Ты? – спрашиваю я, недоверчиво изучая сосредоточенную детскую физиономию девочки, стоявшей за спиной прадеда.

– Ага, – отвечает Лидия Николаевна, смеясь.

– А что было дальше? – спрашиваю я, видя, что бабушка не продолжает прерванного рассказа.

– С Николаем Герасимовичем? После смерти матушки он женился повторно, переехал в Братск, где и умер.

– А что случилось потом с тобой?

– Когда матушка умерла, я как раз заканчивала школу. После школы поехала в Улан-Удэ на учёбу. Закончив институт, по распределению попала на работу в Челябинск, где я и встретила твоего дедушку. Здесь мы и поселились.

– А дедушка, он ведь тоже родом не отсюда...

– Он тогда жил в Магнитогорске, у родственников, а так, да, он из Забайкалья. Когда нам было лет по тридцать, мы с Юрой (твоим дедушкой) и ещё несколькими друзьями очень любили путешествовать на мотоциклах, – рассказывает бабушка. – Так мы объездили пол-России и даже однажды побывали в Монголии. Одним из наших самых ранних поездок была вылазка на Саяны. Эта сибирская гряда меня привлекала с самого раннего детства. Помню, когда я училась в пятом классе, мы с братом и сестрой даже выстроили себе шалаш на одном из предгорий. Готовясь к тяжёлому восхождению, перетасили в наше сооружение еду и посуду из дому. Впрочем, родители быстро обнаружили пропажу, и однажды отец поймал нас на похищении продуктов из погреба.

– Это ваш шалаш стоит на горе? – строго спросил нас Николай Герасимович.

– Нет, – соврали мы.

– А это вы тащите нашу посуду в тот шалаш?

– Нет.

Отец не стал тогда продолжать диалог, однако к нашему перевалочному пункту ходить стало опасно. А после наш шалаш разрушили, и поход на Саяны пришлось отложить. Лет на двадцать.

Я перевернул посеревшую от старости страницу. Черно-белые люди глядели на меня с того же цвета

фотографий. Синие маркерные надписи знаменовали названия мест, запечатлённых на выцветших изображениях. Ольхон, Байкал, Памир...

– А что там за история с Монголией?

– Монгольскую границу мы пересекли совершенно случайно. Она не была как-то обозначена, и прошло ещё полдня, прежде чем мы обнаружили, что заблудились. Местность горная, приходилось двигаться по самому краю ущелья, друг за другом. Окончательно потеряв всякий ориентир, мы устроились на ночлег с твердым намерением завтра же с рассветом двинуться в обратном направлении. После ужина, когда все разошлись по палаткам, я осталась у небольшого ручья, стекающего с горных вершин, чтобы помыть посуду. Вдруг что-то заставило меня вздрогнуть и обернуться в сторону поворота дороги. Ничего страшного я там не увидела, но по спине, однако, пробежал не предвещавший ничего хорошего холодок. Собрав все кастрюли, я поспешно отправилась спать, решив, что это – результат долгого пути без отдыха. Никому не сообщив об увиденном, я мгновенно уснула, едва оказалась в палатке. Ночью нас разбудил Володя – один из участников экспедиции. Он выглядел удивительно встревоженным, каким обычно не бывал.

– Просыпайтесь, скорее! – прошипел он и исчез.

Я, напуганная его странным поведением, быстро выскочила из палатки на холодную каменную землю. Беспокойство попугачика сразу объяснилось – я увидела, как наш небольшой лагерь быстро оживает, люди выползали из спальных мешков. Около поворота дороги на наш лагерь сверху вниз смотрели несколько десятков горящих голодных глаз. Стая небольших коротколапых горных волков, задрав головы, стояла на дороге, время от времени перешагивая с лапы на лапу, зевая и опуская нос в землю. Мы быстро развели погашенный вечером костёр и расселись перед ним, раздумывая, что же делать с волками. Топлива для костра у нас, как назло, осталось немного, и мы боялись, что его не хватит до конца ночи. Волки, меж тем, не думали расходиться, мне даже показалось, что стая на повороте дороги выросла в несколько раз. Самым страшным для меня тогда было уснуть. Я сидела, закутанная в одеяло, и дрожала. В конце концов, приняли решение устроить ночные дежурства, я только хотела вызваться первой, как вдруг поняла, что уже утро. Волки исчезли, только отпечатки множества лап в дорожной пыли свидетельствовали, что они не были порождением сна.

Как и собирались, мы двинулись в обратный путь рано утром, едва рассвело. Но это были ещё не все наши злоключения. Не помню, где мы свернули не в ту сторону в этом лабиринте горных пустынных дорог, но, в конечном итоге, к вечеру поняли, что опять заблудились. Бензин подходил к концу, поэтому мы использовали его как можно экономнее, сперва проходили по дороге пешком, чтобы убедиться, что путь не заведёт нас в тупик. Продвигаясь таким черепашьям шагом, мы лишь к ночи выехали на большую дорогу. Здесь нам впервые за несколько дней встретился человек. Это был водитель грузовика, любезно притормозивший, когда мы спросили у него дорогу.

– Эге, – заметил он, закуривая. – Вы как вообще переехали через границу?

Но мы и сами были немало удивлены, внезапно оказавшись в другом государстве. Водитель любезно объяснил, что государственная граница находится как раз по его пути, и что с таким количеством бензина, какой был у нас, до менее охраняемого пограничного пункта нам не добраться.

Распрощавшись с ним, мы разбили лагерь на обочине, где на общем совете решили подождать до глубокой ночи, прежде чем перебраться обратно на родину. Сумерки спустились быстро, в конце концов единственным светлым пятном невдалеке стал всё более пугающий пограничный пункт. Мы быстро собрали вещи, заняли места за рулём мотоциклов и, стуча зубами от холода и страха, двинулись прямо на светлое пятно. Дорога была освещена так ярко, что, казалось, безнаказанно в СССР не переползёт даже жук, не то что несколько мотоциклов. Как ни странно, мы быстро

переправились через пограничный пункт и, прибавив скорости, устремились прочь от этой страны, не принёсшей нам ничего хорошего.

– А дальше? – спросил я.

– Дальше мы нашли магазин, купили еды, бензина и продолжили наше путешествие, – сказала бабушка, укладывая очки в футляр и снимая со своего плеча кота. Тот бросил на нее недовольный взгляд. На улице призывно лаял мелкий рыжий пёс Муха.

– Ладно, пойду погуляю в лесу с собакой, – с неохотой захлопываю альбом и направляюсь к двери. Я очень люблю гостить у бабушки в Полетаево и бываю здесь почти каждые выходные. И, пускай я слышал эти истории несчётное количество раз, отвязывая Муху, я прокручиваю их в голове ещё раз, обдумывая подробности непростой истории моей семьи.

3 место и звание лауреата – **Перцева Елена Юрьевна (МОЕМУМОРЮ)** (поэзия) – родилась в 1998 году. Выпускница РГУ им. С.А. Есенина, направление журналистика. Стихосложением занимается со второго класса, кроме этого, много фотографирует. Проживает в г. Скопин Рязанской области.

Письмо человеку двадцать первого века

Добрый день, дорогой мой друг!
Шлю конверт к тебе – из окопа
Я надеюсь, твоя весна без бомбежек вокруг.
И озноба...

А у нас? А у нас война,
На которой взрослеют дети
И седой в двадцать три старшина.
Удивительно, правда, это?

Мне всего 18, друг!
Я вчера был ещё мальчишка!
Мы зимой не чувствуем рук
И в лесах жуем часто шишки.

Я надеюсь, ты ешь хорошо
И ночуешь в тёплой кровати
Нам действительно здесь нелегко
Для Победы – желания хватит!

Друг мой, книги читаешь ты?
Мы здесь иногда успеваем!
А ещё у нас есть мечты!
Мы о мирной жизни мечтаем...

Мы на фронте с другом вдвоём
Были. Но он теперь не с нами.
Странно... Утром ещё живём,
Завтра – лишь похоронка маме.

Расскажи мне в ответном письме
Что ты делаешь в выходные?
Что ты кушаешь на обед?
Как живут там твои родные?

Мы сегодня уходим в бой.
Я надеюсь, придём с победой!
Понимаешь, ведь я живой!
Я когда-нибудь стану дедом!

Если вдруг получится мне
Снова в мирной стране улыбаться
Ты напомни о той весне,
Как я обещал не сдаваться.

Я надеюсь, что мир придет

Очень хочется, чтобы скоро!
И на вас никто не нападет!
Ты же ходишь еще ведь в школу?

Друг, пожалуйста, сохрани
Голубое небо над вами
И минуты жизни цени,
И людей, что живые с вами!

Расскажи мне, а ты любил?
Чтобы сердце падало в пятки?
Я подругу свою не забыл
И на фото смотрю украдкой.

***

Командир к нам сейчас пришёл
Приказал готовиться к бою
Я тебе потом допишу!
Постоим за страну горюю!

Ты пиши обратный ответ!
Я твой голос услышу звонкий!

Но солдата уже больше нет.
Он погиб. Маме – лишь похоронка.

Родителям

Мне раньше казалось, что я никому не нужна,
В огромном безумном мире совсем одинока...
На тысячи километров моя страна,
Но, как всегда, возвращаюсь к своим истокам.

Когда захожу с дороги в квартиру, домой,
В руках чемодан, за спиной рюкзак тяжелый,
Встречает меня голос до жути родной
Фразой за долгие годы уже знакомой.

И снова, как в детстве, ты обнимаешь меня,
Поправишь за ухо мой белокурый локон,
Тогда и пойму, что роднее всего – семья
И я никогда, совсем. Не была одинокой.

Когда мама в детстве пекла торты и пироги,
А папа носил шоколадки после работы.
Когда я влезала в дедушкины сапоги
И смело могла покорять глубину болота.

Когда по утрам всегда был завтрак семьей
И также был самый чудесный на свете ужин.
Когда мы садились за праздничный стол большой,
Тогда понимала, что каждый здесь – очень нужен.

Когда я сдавала последний экзамен в школе,
И на выпускном была только вашей принцессой.
Я видела, что вы мной невероятно довольны,
Хоть и результаты дались мне с огромным стрессом.

Когда я грустила из-за очередного мальчишки,
Разбитое сердце скрепляла вновь суперклеем,
Вы мне объясняли, что он был всего-то лишний
И что всё равно людям придется верить.

Вы видели, как я уже совсем повзрослела,
Накрасила губы очень темной помадой.
Плачу по счетам, вновь на диету села,
Хоть вы говорили, что и худеть не надо.

Вы рядом всегда, что бы со мной ни случилось,
Куда ни ввязалась бы, вы решите проблему.
Простите, что на себя слишком переключилась
И в юности от родных построила стену.

Мам, Пап. Вы роднее всего мне на свете.
Простите за то, что была иногда бестолковой.
Я знаю, что страшно смотреть, как взрослеют дети
Берут с собой лишь чемодан из родного дома.

Я вам обещаю, честно. Буду стараться
Держать высокую планку и брать вершины,
Чтобы вы всегда-всегда могли улыбаться,
И не тонуть в водовороте рутины.

Живёт в Нижнем Новгороде.

Там

Там горы, как камни, покрытые мхом,
А люди малы – муравьишки.
Но он не мечтает о чем-то другом,
Возвышенность манит мальчишку.

Он смотрит на птиц, пролетающих там,
Он строит из веток надежный вигвам.
Вершины у гор в этой жизни иной
Подернуты облаком, как сединой.

Там моря простор и загадки глубин,
Там плещется весело синий дельфин,
Там острые скалы, а галька гладка,
И парус фрегата – лоскут от платка.

О главном

Возле реченьки ходит девица
по траве.
Вот осталось чуть меньше месяца –
на заре,
Когда лучики солнца красного
сгонят ночь,
Бог дарует ей сына ясного
или дочь.
«Коли дочка на свет появится,
благодать!
Будет лучше моей красавицы
не сыскать!
Терпеливою быть, участливой
научу!
Так хочу, чтоб жилось ей счастливо,
так хочу!..
Пусть и сына подарит небушко –
намолю...
Для детишек найду я хлебушка,
прокормлю.
С молоком он впитает русский наш
дух и нрав.
Будет Родине самый сильный страж,
будет прав».

В речке быстрой водица чистая,
жизнь – вода:
Гладь то ровная, то волнистая –
так всегда.
Обойдя весь мир по течению,
круг замкни.
Только жизни своей значение
не спугни.

Возле речки девчушка бегает
по траве.
Так и стелются косы пегие
по земле.
Рядом мама. Она красивая,
как всегда.
Ей к лицу (вот же диво-дивное!)
все года.

Полноводная, горделивая
здесь река...
Знать, степенно-неторопливая
на века.
Мать любит вправо, влево и
в храм звон.
Рядом главное: Мирослава и

Родион.

Не забыла

На столешнице треснутой – масло, кувшин и мука.
Ветер льется из форточки, прячется в складочках ситца.
По шепотке любви и тепла вложит в тесто рука.
Чуть помедлив, добавит еще. А зачем же скупиться?

«Отче наш» – сорок раз. Силы все, без остатка, ему:
Теплый шар, бархатисто-шершавый, как губы кобылы.
Надо плотно закрыть окна, двери и щели в доме.
Здесь не нужен сквозняк. Видишь, бабушка, я не забыла.

А еще я умею вязать, вышивать и плести,
Научилась печь хлеб, он как твой, хоть и было непросто.
Если что-то не так, ты меня, ради Бога, прости.
Я умоюсь сейчас... и дойду до погоста.

Звание дипломанта – **Каганович Анастасия Константиновна** (малая проза) – 18 лет. Проживает в Челябинске, студия «Город золотой». Руководитель студии Анна Михайловна Гильдина.

Станция «Технологический институт»

*Посвящается погибшим от теракта
в метро Санкт-Петербурга
3 апреля 2017 года,
их родным и близким.*

У меня выходной. Губы сами собой расплываются в улыбке, от уголков глаз идут лучики счастья. Легче дышится, оттого что не нужно строить из себя сурового майора полиции. «Ты сегодня так сияешь, солнце», – со смешком говорит мне любимая. «Себя-то видела? Просто начищенный самовар». Оба заливаемся по-детски беззаботным смехом. Что может быть милее этой доброй и тёплой улыбки, этого заразительного хохота? И на душе спокойно, в кои-то веки день без задержаний, допросов, полковников и маньяков. У неё всего одна пара в три ровно. Даже не помню, когда последний раз было такое утро. Под её чутким руководством я впервые сотворил съедобный омлет. Фантастика! Долгая холостяцкая жизнь так и не научила меня сносно готовить, но одну вещь я всё же делаю в совершенстве: гренки. Едва объяснил моей девочке, как их жарить, а у неё с первого раза выходит лучше, чем у меня! Ужас. И ехидно улыбается на моё удивление, не оторвать взгляда от этих губ. Взьерошить её кудрявые волосы, а потом носиться по всей квартире, спасаясь от справедливого наказания – лучшее наслаждение. Её мама сказала, что мы ведём себя, как сбежавшие из зоопарка, наверное, именно так мы сейчас и выглядим, но какая разница? Кажется, это лучший выходной за много месяцев.

Как бы мне хотелось, обняв покрепче, никуда не отпускать моё солнце, но она убедила, что лекция о силикатах – это вещь, которую она жаждет услышать. Всегда легко сдаюсь, когда она говорит, что расстроится, если не узнает сегодня о пластмассах, кислотах, силикатах или чём-нибудь ещё – химик до мозга костей, что с неё взять. До крайности увлечена наукой, буквально горит. Да я и сам такой же, не вытащишь с оперативной работы. Два сапога пара.

Ровно в два она уехала, забрав мой проездной на метро, и совсем скоро вернётся, поэтому стоит прибраться и сходить в магазин, но так лениво, ничего не хочется делать. Вот и валяюсь на незаправленной кровати, листая новостную ленту: ничего необычного, только обещают солнце и тёплую погоду на вечер. Нужно вытащить родную на прогулку. Только куда? Может, в Летний сад? Помнится, мы не были там целую вечность, с первого свидания.

Звонок на мобильный. Ну кому я, чёрт побери, опять нужен в свой выходной? Вздыхая, принимаю вызов:

– Да, слушаю.

– Гони сейчас же на «Технологический институт» – там теракт в метро!

– Как давно? – уже на бегу хватаю “корочки” и куртку.

– Пару минут назад. Скорее, лети, как сможешь!

– Ладно, еду.

Стоп... «Технологический институт». Это её институт. Синяя ветка, по которой она всегда ездит. Чёрт, чёрт, чёрт! Дыхание, биение сердца, мысли – всё оборвалось. Надо позвонить, позвонить ей! Дрожащими пальцами – вызов – ну же!

«Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети».

[Добавить комментарий](#)

[Комментарии](#)